

Мурбрукский лес был сродни тому сумрачному лесу, через который они приехали сюда, — бесчисленные километры, заросшие огромными елями, пихтами и лиственными деревьями, с валунами, множеством полей и утоптаных тропинок, прорезанные путаной сетью ручьев, пропадающих в обширных бурых торфяниках; один за другим, снова и снова они возникали между древними деревьями-исполинами и для неосторожного путника могли оказаться злой неожиданностью. С высоты птичьего полета лес, должно быть, казался огромным ковром из зеленых и коричневых лоскутов, простиравшимся в каждую сторону света до горизонта и дальше, куда-то в бесконечность. Долина, в которой раскинулся Мурбрук, утопала среди необузданной зелени, словно камушек-голыш на дне моря. В этой части мира природа бдительно охраняла свое господствующее положение, и попытки людей отвоевать у леса хоть немного земли казались смехотворно жалкими.

В лабиринте ущелий, долин, деревьев, скал и болот могла исчезнуть без следа целая армия, а две другие ее даже не нашли бы. Искать в этой местности тварь величиной с волка было все равно, что искать иглу в стогу сена. Дело осложнялось еще тем, что зверь прекрасно ориентировался в лесу, так что, можно сказать, они вели войну на вражеской территории. Во всех отношениях чудовище было в более выгодном положении.

Но, — думала Зара, беззвучно пробираясь темным лесом в стороне от протоптанных троп, — возможно, и не во всех...

Уже два часа, как она покинула Мурбрук и не встретила ни одной человеческой души, хотя шум доносился отовсюду — непрекращающиеся крики, собачий лай и гул голосов, время от времени прерываемый мушкетными выстрелами. Хотя Зара старалась держаться подальше от охотников, которые неуклюже и громко, как стадо кабанов, брели по лесу, все же она получила даже больше представления о происходящем, чем ожидала. Совсем недавно с холма как на ладони неожиданно предстала живописная картина: загонщики с трещотками и колотушками вместе с псарями образовывали авангард и замкнутым строем прочесывали подлесок, вспугивая в зарослях каждую тварь, пешие с копьями и вилами держались на двадцать шагов сзади, при этом несколько человек пытались осветить полумрак леса горящими факелами. Шагах в двадцати следом за ними двигались охотники верхом, а далее болтающие и смеющиеся дворяне, сопровождаемые слугами и крепостными, которые несли господское оружие. В самом арьергарде — кареты и телеги с продовольствием, и телеги для забитой дичи, добычи удачливых охотников. Ничего удивительного, что мурбрукцам до сих пор не удавалось загнать зверя; они продвигались так неловко и неуклюжее, что даже слону при желании удалось бы без труда избежать встречи с ними.

И все-таки охота достигла одной из своих целей: среди лесных обитателей начался жуткий переполох. Вспугнутые шумом трещоток и лаем рвущихся со свор гончих, животные пустились наутек. С высоты Заре было видно, как весь лес словно ожил. Испуганные белки неслись к верхушкам деревьев, гуси и цесарки, пронзительно гогоча, взлетали в воздух из густого кустарника, две молодые косули зигзагом понеслись глубже в лес... Но не важно, сколько животных вспугнули охотники, бестии среди них не было.

Покачивая головой, Зара понаблюдала минуту-другую за действиями охотников, развернулась и, спустившись с другой стороны холма, углубилась в лес. Но хотя Зара была опытным следопытом и вся обратилась в зрение и слух, она не обнаружила следов зверя — ни отпечатков лап, ни помета, ни шерсти — ничего, что могло бы оставить такое крупное

животное.

Чем ближе время приближалось к полудню, тем горше становилось разочарование.

Зара подошла к границе большого болотистого участка, где перекошенные деревянные хижины с дырявыми гонтовыми крышами и наполовину сгнившие деревянные каркасы указывали на то, что здесь когда-то добывали торф. Зара остановилась у одной из хижин для короткой передышки и краем глаза заметила какое-то движение в кустах. Похоже, через подлесок пробиралось какое-то крупное животное. Но, проверив, обнаружила лишь огромного со щетинистой шкурой кабана, искавшего в листве своими чуть изогнутыми клыками желуди.

Она оставила кабана за его занятием и обошла вокруг болота, но напрасно: похоже, в этой части леса зверь не оставил никаких следов, а если они и были, то непогода их уничтожила. Зара постаралась не слишком расстраиваться и другой дорогой вернуться, откуда пришла. При этом она обратила внимание на то, как необычно тихо стало вокруг. Всю первую половину дня фоном служил нескончаемый шум трескоток и колотушек загонщиков и лай собак, а теперь все стихло. Доносились лишь слабый шепот ветра в листве деревьев и бормотание небольшого извилистого ручья неподалеку. Даже лесных животных не было слышно.

В первый момент она с облегчением вздохнула, но через несколько минут необычная тишина начала действовать на нервы. Заинтересовавшись, что означает столь внезапный покой, она сменила курс и отправилась в направлении, где в последний раз слышала компанию охотников. Между тем наступил полдень, но хотя солнце где-то по ту сторону плотного слоя облаков высоко стояло в небе, эта часть мира все еще была погружена в неопределенный полумрак, как будто день не осмелился наступить. Ветер крепчал и раскачивал верхушки елей.

Зара следовала по тропинке вблизи покрытого льдом небольшого пруда и замерла на краю поляны, на которой компания охотников разбила лагерь. Неподалеку протекал маленький ручей, из которого слуги черпали ледяную воду, чтобы поить лошадей и мыть тарелки. Посреди поляны стояла телега с продовольствием; перед ней на огромном треножнике на цепи над огнем висел внушительных размеров медный котел, от которого разносился запах супа.

В то время как знатные господа спешили в специально раскинутый для них шатер, охотники и следопыты столпились вокруг огня, хлебали суп из жестяных чашек, черпали ложкой из тарелок. Картина напоминала скорее выезд на пикник, чем облавную охоту. Наверное, они не сомневались, что после утомительного труда заслужили обед. И действительно, поохотились они на славу.

Добыча первой половины дня была аккуратно выложена посреди поляны, как на витрине в лавке мясника: семь лисиц, пять кабанов, полудюжина годовалых кабанчиков, несколько зайцев и кроликов, две дюжины цесарок, пять фазанов и даже один олень, статный семилеток, которого кто-то метким выстрелом в плечо уложил на месте. Сверкали ножи, несколько мужчин ловко и быстро свеживали животных. Дичь даже отдаленно не напоминала бестию, и все же охотники радовались, словно им удалось прикончить наконец злобное чудовище.

Грегор д'Арк, для которого ее прибытие не осталось незамеченным, тотчас подошел и протянул Заре жестяную чашку с пуншем. Она ощутила дразнящий аромат красного вина и пряностей, но покачала головой. Она не хотела пить, не говоря уже об отсутствующем аппетите. Грегор пожал плечами, как будто ничего другого и не ожидал, а сам сделал глоток, прежде чем спросить:

— И как? Вам повезло?

— Далеко не так, как вам, — холодно ответила Зара.

Грегор д'Арк проследил за ее взглядом, направленным на трупы забитых животных.

— Я знаю, что вы думаете, — заметил он, — и уверяю вас, что совершенно не одобряю подобное. Но, в конце концов, мы на охоте, и некоторым безразлично, на кого охотиться, на чудовище, волков или зайцев.

— Речь не об охоте, — возразила Зара, — а об убийстве.

— Пускай так, — согласился Грегор. — Но для многих охота несет особенную, запретную привлекательность, когда на короткий миг можно ощутить невероятную власть, можно стать властителем жизни и смерти, решающим, кому жить, а кому умирать. С нравственной точки зрения это не очень здорово. Однако я не думаю, что мы с вами имеем право осуждать других за то, что вы и я делали не единожды, не так ли?

— Я убивала, — согласилась Зара. — Но для удовольствия — никогда.

Грегор нескончаемый миг пристально смотрел ей в лицо, и Зара испугалась, что он прочтает ложь в ее глазах, но он ничего не сказал. Просто поднял взгляд в тусклое зимнее небо над поляной и заметил:

— Не кажется ли вам в такие дни, что лето никогда больше не наступит? Что солнце никогда уже больше не будет светить?

— Возможно, — неприветливо отозвалась Зара, хотя не имела ни малейшего представления, что может значить это странное замечание.

Она оглядела поляну и обнаружила Фалька, Яна, Элу и Ваню, сидевших чуть поодаль на стволе поваленного дерева. Эла, смеясь, кормила Фалька гороховым супом — молодые люди легко нашли общий язык.

— Извините, пожалуйста, — резко оборвала разговор Зара. — Мне нужно идти.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и оставила ландграфа. Она чувствовала спиной его взгляд, когда он в замешательстве смотрел ей вслед, но Зару меньше всего волновало, что он может посчитать ее невежливой. Она просто хотела уйти подальше от этой шайки скучающих снобов, у которых так мало уважения к жизни. Конечно, Грегор д'Арк прав: она не в том положении, чтобы осуждать других, после всей пролитой ею крови. Но это не значит, что она не хотела измениться. Или, по меньшей мере, попробовать это сделать.

Зара, не останавливаясь, пересекла поляну. Фальк с компанией заметил ее и весело помахал рукой, но Зара вместо того, чтобы подойти к молодым людям, прошмыгнула в кусты, как только почувствовала, что Грегор д'Арк отвел от нее пронизывающий взгляд, и исчезла в подлеске, снова растворившись в полумраке. В этот раз воительница приветствовала тишину леса как старого друга.

Приблизительно через час покой был нарушен. Снова раздались лай и рычание собак, когда загонщики продолжили путь по лесу. К этому моменту Зара уже находилась довольно далеко от поляны; теперь в поиске следов зверя она двигалась на северо-восток, в местность, где, судя по затхлому, всепроникающему запаху, добывался торф. Деревья с наветренной стороны здесь больше обросли мхом, чем в других местах леса, и при каждом шаге из мерзлой земли проступала вода. Сапоги Зары оставляли на земле отчетливые следы, и, осмотревшись кругом, она обнаружила несколько десятков отпечатков на прихваченной льдом илистой почве; большинство принадлежало птицам и кроликам, и ни одного похожего на большие следы, обнаруженные ею рядом с трупом у пруда. Поразымляя некоторое время, Зара поймала себя на мысли, что, возможно, они отслеживают лишь химеру, легенду, выдуманную кем-то в собственных интересах, чтобы под личиной якобы бессмертного небывалого зверя дать волю своим извращенным наклонностям. Что ей только что сказал Грегор д'Арк? «Для многих охота несет ту особенную, запретную привлекательность, когда на короткий миг можно ощутить невероятную власть, стать властителем жизни и смерти...» Животные неспособны мыслить так; они убивают, только если их к этому вынуждают или когда речь идет о том, чтобы прокормиться, сохранить жизненное пространство, или защитить себя и стаю. Убийство ради убийства — поступок свойственный только человеку, и изуверская жестокость, с которой зверь расправлялся с жертвами, имела нечто присущее именно человеку. При этом речь шла явно не о том, чтобы защитить территорию или захватить добычу.

Углубившись в свои мысли, Зара кралась между деревьями. Издали доносился шум пробирающихся сквозь заросли охотников, но Зара едва ли его воспринимала, в который раз тщательно анализируя все известные факты о звере и его жертвах, пытаясь определить закономерность и вспомнить что-то, возможно ускользнувшее от ее внимания...

Внезапно Зара остановилась и с напряженным вниманием подняла голову.

Там! Что это?

Она потянула носом воздух и принялась, как охотничья собака, учуявшая след.

Сначала запах был неясным, поскольку с ним смешивалось множество других запахов. Но Зара сосредоточилась только на нем и, постепенно абстрагировавшись от всех других впечатлений,

ощутила его во всей остроте: терпкий животный запах крупного животного, смешанный с горько-сладким зловонием падали. Запах отчетливо, словно дорожкой светящихся следов, тянулся подлеском и уводил на север дальше в лес.

Зара не медлила ни секунды. Она решительно направилась по запаху, все чувства ее были напряжены до предела, и с каждым шагом запах становился сильнее. Бесшумно, как привидение, Зара кралась сквозь заросли, ориентируясь только на запах, который привел ее наконец к подножию круто возвышающейся скалы, вершину которой венчала огромная уродливая сосна. Плотная корневая система обхватывала сплетением деревянных, толщиной в руку, артерий и вен горную породу. Ствол был покрыт разросшимся плющом и мхом, и с могучих ветвей свисали длинные веревки плюща, как петли с виселицы. Когда Зара вышла из зарослей и вступила на натопанную тропу, ей бросилась в глаза странная форма скалы, напоминавшая мощный и в то же время странным образом вытянутый череп, с острым в форме носа выступом, с выкрошенными впадинами, наподобие глазниц, и причудливо сформированными выступами, словно два тупых рога, выросшими из «лба» жуткого вида скалы.

Должно быть, это та самая Чертова скала, о которой ей рассказывал Ян.

Здесь зверь напал на несколько жертв, а значит, в этой части леса он бывал чаще всего. Это делало Чертову скалу идеальной отправной точкой для поисков, но также и для компании охотников, которая была уже на пути сюда, — Зара слышала голоса, таяканье собак и призывы загонщиков так же отчетливо, как стук копыт лошадей и приглушенный грохот колес по подмерзшей земле. Загонщики еще находились в отдалении, но самое позднее через десять минут они будут здесь, чтобы с присущей им неловкостью уничтожить все следы, которые могли бы привести ее к зверю.

Зара должна поторопиться.

Она снова сосредоточилась на запахе, приведшем ее сюда. Проследовала по протоптанной дорожке к южной стороне скалы, где запах стал настолько сильным, что у Зары прямо перехватило дыхание. Скривив от отвращения лицо, она неуклонно двигалась дальше, огибая подножие скалы, к тому месту, где завеса из побегов плюща и мха не позволяла разглядеть источник смрада, явно находившийся в скальной нише. В полной боевой готовности, заранее вынув мечи из ножен, она остановилась перед нишей, чуть помедлив, протянула руку к естественной завесе и отвела побеги плюща в сторону. За ними оказалось узкое углубление, уходившее на три-четыре шага в толщу скалы. В углублении Зара обнаружила наполовину засыпанный листвой и сосновыми иглами труп животного, в котором при более тщательном осмотре Зара определила кабана. Туша лежала на боку, и Зара увидела глубокие раны, нанесенные мощными когтями. Пустые глазницы пристально смотрели на Зару; пять глубоких параллельных царапин проходило по черепу. Не обращая внимания на смрад, Зара наклонилась и внимательно осмотрела кабана. Все туловище его было изуродовано длинными глубокими ранами.

Но было и кое-что еще. Животный, какой-то неясный запах, почти заглушенный смрадом, напоминавший запах псины. Зара не могла припомнить, чтобы однажды уже встречала подобный, но не сомневалась, что напала на верный след.

Бросив последний взгляд на убитого кабана, она вышла из ниши и с любопытством огляделась вокруг. Ее ноздри слегка подрагивали, когда она попыталась определить, куда ведет след. Убившее кабана существо удалилось в юго-восточном направлении от Чертовой скалы. Запах следа был уже старым — кабан был мертв по меньшей мере два-три дня, — но достаточно устойчивым, чтобы Зара могла по нему пойти. Она снова углубилась в подлесок, недалеко от того места, из которого недавно вышла, но теперь направилась в противоположном направлении, прочь от Чертовой скалы и суматошной компании охотников, шум от которой с каждым мгновением становился все громче.

Зара шла по следу сквозь поросль — путаницу кустов, папоротников и высокой травы. Темный, каким-то образом опасный запах, след, взятый ею у трупа кабана, стал интенсивнее. Но даже теперь Зара не могла определить, к чему отнести этот странный, ни на что не похожий запах. Без сомнения, он принадлежал животному, но к нему примешивался еще какой-то другой, трудноуловимый запах, казавшийся вне границ ее восприятия, в непосредственной близости и тем не менее непостижимый. Зара знала только одно: кем бы ни было это существо, оно не сравнимо ни с одним, встречавшимся ей до сих пор. Зара слегка занервничала.

Вскоре лай и призывы загонщиков замерли вдали, и Зара осталась наедине с тишиной леса и следом, который, как она надеялась, приведет ее к бестии. Но даже если это будет так, до окончания дела еще ой как далеко: имелось маленькое, но существенное различие между «выследить бестию» и «убить бестию». Ведь предполагалось, что это создание обладает чрезвычайной силой и неуязвимо для оружия. Правда, с течением времени Зара столько раз желала себе смерти и обретения покоя, но все же сейчас была испугана хотя страх смерти давно потерял для Зары свое значение, было еще нечто, удерживающее ее легкомысленно ставить свою жизнь на карту: нет никаких гарантий, что и после смерти она сможет обрести освобождение...

Местность была погружена в неясный полумрак, как перед наступлением ночи, казалось, что полог леса поглощает почти весь свет. Но Зара без труда ориентировалась, а по истечении некоторого времени лес снова начал редеть.

И тотчас перед ней из чащи выступил злобещий силуэт развалин.

В жалких руинах угадывался некогда великолепный господский дом, с башенками, эркерами и балконами, но от прежнего великолепия мало что сохранилось. Только тяжелые, покрытые сажей тесаные камни, обугленные балки и доски, частично обрушившиеся, заросшие мхом стены и пустые оконные рамы с почерневшими осколками стекол. От второго этажа и крыши остались лишь обломки и обугленные кирпичи, обломки дымовой трубы и деревянного конька крыши валялись разбросанными в заросшем бурьяном палисаднике. Слышен был свист ветра, проникавшего сквозь голый скелет кровли.

Высокая, в рост человека, железная изгородь с острыми пиками по верху окружала развалины дома и сад, где ржавые детские качели тихо поскрипывали на ветру. Калитка в сад отсутствовала.

Но и теперь, спустя годы после пожара, над мрачными руинами витал запах гари. Зара почти

явственно ощутила треск огня, пожирающего дом и все, что было в нем. Она пыталась понять, что могло здесь произойти. И кто жил здесь, на отшибе, далеко в стороне от людей?

Глубоко задумавшись, она приближалась к развалинам, когда внезапно краем глаза заметила какое-то движение между обломками около стены дома, там, где сгустились самые темные тени. Затем услышала тихое утробное рычание и сразу остановилась, схватившись за рукояти мечей. Ее глаза превратились в узкие щелки, когда она попыталась проникнуть взглядом в темноту и понять, кто затаился там, в тени развалин.

Менее чем в десяти шагах от нее находился самый большой волк, какого она когда-либо видела, с черно-серой, ошетилившейся на загривке шерстью. От носа до кончика хвоста животное было минимум два метра, и голова волка была почти вдвое больше человеческой, с рисунком в форме стрелы серой шерсти между горящими глазами, тянувшимся через полчерепа между остро торчащими ушами. Темные губы приподняты в оскале, и золотистого цвета глазами волк пристально и пронизывающее смотрел на Зару.

Зара медленно и осторожно стала вынимать мечи. При этом ни на секунду не спуская с волка глаз. Все ее чувства были напряжены до предела.

Затем Зара увидела, что левой задней лапой волк угодил в медвежий капкан, который кто-то поставил в плотной, наполовину сгнившей листве у основания стены, и позволила себе чуть расслабиться. Волк сидел в западне, железные треугольные зубы капкана ухватили его, когда он пробегал. Очевидно, он пытался высвободиться из ловушки, но это привело только к тому, что железные зубья еще глубже вошли в плоть. Влажная от крови шерсть чуть поблескивала, и когда Зара заглянула животному в глаза, она увидела в них больше страха, чем злобы. Вероятно, кое-кто из Мурбрука поставил здесь капкан на бестию, а вместо чудовища в ловушку угодил волк — необыкновенно огромный, но тем не менее всего лишь волк.

Так же осторожно и не торопясь Зара вложила мечи обратно в ножны и медленными шагами направилась к волку. Он снова зарычал, глухо и угрожающе, давая понять, что лучше к нему не приближаться, и попытался отступить, но капкан удерживал его, отчего он зарычал еще сильнее. Но Зару трудно было сбить с толку. Она медленно продвигалась вперед и успокаивающим жестом протянула волку руки, чтобы показать, что в них нет ничего, чего ему стоило бы бояться.

— Спокойно, дружок, спокойно, — сказала она, — я не сделаю тебе плохого. Все, что я хочу, это только высвободить тебя из капкана, прежде чем ты сам не сделал этого...

Во время своих путешествий Зара довольно часто наталкивалась на волков или лисиц, которые попадали в капканы, и зрелище это было весьма тяжелым: они делали все, чтобы освободиться, даже если для этого приходилось перегрызть собственную лапу. Но и такая «ампутация» давала животным лишь кратковременную свободу, большинство уходило недалеко, погибая от большой кровопотери либо становясь легкой добычей для охотников и других хищников. Зара решила избавить величественное животное от подобной участи.

— Спокойно, только спокойно. Я не сделаю тебе плохого. Я только хочу тебе помочь.

Волк как будто понял ее слова, потому что рычание стало тише и наконец совсем стихло. Но животное не спускало с Зары умных, янтарного цвета глаз, следя зорким взглядом за каждым движением Зары, как она приближалась к нему шаг за шагом, пока не подошла на расстояние вытянутой руки. Теперь она находилась в пределах досягаемости его могучих клыков — если бы он захотел, то спокойно смог бы ее схватить. Однако хотя шерсть на загривке все еще стояла дыбом и бдительный взгляд волка оценивал каждое ее движение, губы медленно опустились, скрыв оскал могучих зубов: животное инстинктивно понимало, что от Зары ему не грозит опасность.

Зара медленно опустилась перед волком на колени, наклонилась и взялась за обе дуги капкана; в этом положении животному было совсем просто вцепиться зубами в ее незащищенную шею. Но волк не шевелился. Он просто стоял, внимательно разглядывая Зару, и не мешал ей. Раздвинуть железные дуги оказалось не так просто — пружина капкана была чрезвычайно тугой. Граничило с чудом, что защелкнувшиеся дуги тотчас же не отсеки волку лапу. Зара тяжело дышала от напряжения, но ей все-таки удалось раздвинуть железные дуги так, что волк вытянул пораненную лапу из капкана.

Когда волк медленно отступил на шаг, было заметно, как он приволакивает раненую лапу, но он не издал звука боли и не заскулил. Вместо этого, когда напряжение ослабло, на загривке медленно опустилась шерсть, и по лицу Зары скользнула легкая улыбка.

— Вот видишь, — тихо сказала она, медленно смыкая дуги медвежьего капкана, — я же говорила, что только помогу тебе.

Волк слегка наклонил голову набок, как будто пытаясь осознать смысл слов. Зара медленно поднялась на ноги, снова вытянув перед собой руки в знак того, что животному не угрожает никакая опасность, и так же внимательно принялась разглядывать огромного волка, как животное оценивало ее. Они не были врагами, но и друзьями, пожалуй, тоже.

Зара стояла перед волком и с легкой улыбкой смотрела на могущественное животное, почти доходившее ей до пояса. Станный в виде стрелы рисунок бледно-серого меха, проходивший от морды по черепу, напоминал молнию, ударяющую с неба. Она еще какой-то момент постояла на месте, затем шагнула к волку и, так как он не предпринял никаких попыток убежать, сделала еще шаг.

И только хотела протянуть руку, чтобы погладить зверя, как внезапно хрустнула ветка.

Волк мгновенно вскинул уши.

Зара повернула голову, сузив глаза в щелки.

На опушке леса стояли Ян, Фальк и обе девушки, на лицах отражался неприкрытый ужас,

когда они увидели, как Зара стоит перед огромным волком. Волк тоже повернул массивный череп и, увидев людей, снова оскалился, обнажив мощные клыки, и низкое, угрожающее рычание раздалось над развалинами дома.

Недолго раздумывая, Ян вскинул арбалет, который держал в руках, и опустился на колено. Палец, лежавший на спусковом крючке, чуть дрожал, когда он прицеливался.

— Нет! — крикнула Зара.

Но было слишком поздно.

Короткая арбалетная стрела полетела в волка.

Зара глубоко и резко вздохнула. Быстрее, чем можно было проследить человеческим глазом, выхватила из ножен меч, размахнулась и изо всей силы бросила его. Все, что Фальк и другие успели заметить, — некоторое неясное движение, затем стрела, не долетев до волка пяти шагов, упала на землю, в то время как меч с глухим треском вонзился в ствол старой кривой плакучей ивы.

Ян растеряннo мигал.

— О боги, — недоверчиво пробормотал он и пристально уставился на Зару.

— Как, как вы это сделали?

Зара ничего не ответила.

Некоторое время никто не двигался, как будто мир застыл. Затем первым бросился прочь волк, повернулся и, прихрамывая, побежал к опушке леса, так быстро, как только позволяла его рана. Прежде чем исчезнуть в зарослях леса, волк повернул морду, чтобы еще раз посмотреть на Зару. Какой-то полный таинственности миг они смотрели друг другу в глаза — хищник и воительница, родственные души.

Затем щелчок — стрела встала в паз арбалета, волк тотчас же сделал прыжок и исчез в чаще. Ян чертыхнулся, хотел последовать за зверем, но Зара встала у него на пути и удержала:

— Оставь его!

Ян сверкнул на нее глазами:

— Почему?

— Потому что это не бестия, — спокойно заметила Зара, — а всего лишь волк.

— Волки тоже представляют опасность для людей! — возразил Ян.

— Даже если и так! — проворчала Зара, не желавшая пускаться в дискуссии.

Она взглянула туда, где волк исчез в чаще, и едва заметная улыбка тронула уголки ее губ. Чтобы сменить тему, она кивнула в направлении обгоревших развалин:

— Что это?

Ян постепенно успокоился. Он опустил арбалет, в то время как Зара подошла к иве и рывком высвободила меч.

— Здесь, — пояснил он, с уважением понизив голос, — было когда-то владение одного ученого, но я не могу вспомнить его имя...

— Хумбуг, — подсказала Ванья.

— Нет, — возразил Ян. — Здесь действительно жил ученый...

— Да, и звали его действительно Хумбуг, — сказала она. — Швенд фон Хумбуг. Он был крупным историком, хотя это спорный вопрос. Его главное произведение, так называемые «Хроники Анкарии» — многотомный труд, описывающий историю Анкарии с начала начал до нашего времени. Мой отец хорошо его знал, у нас дома целая полка его книг. Он по-своему, весьма своеобразно толкует историю Анкарии, и некоторые из его предположений о возникновении королевства довольно смелые, если я правильно поняла отца. Поэтому в ученых кругах у Хумбуга было не слишком много друзей, а точнее, большинство просто не принимали его всерьез. Сначала это не имело для него особого значения, но в какой-то момент давление и неуважение, которое стали выказывать его жене и детям, вынудили его уехать из Хоэнмута, где проживал до этого. Так они оказались здесь, в Мурбруке. Они построили себе этот дом в надежде, что здесь, вдали от насмешек, начнут новую жизнь.

Зара插ставила свой меч в ножны.

— Что случилось потом?

Ян покачал головой:

— Точно никто не знает. Когда я был еще мальчиком, жители Мурбрука однажды ночью увидели зарево над лесом и когда прибежали сюда, здание от подвала до крыши было охвачено огнем. Огонь уже невозможно было затушить, и им пришлось дожидаться, когда он сам

погаснет, а затем заняться поисками останков владельцев, но так никого и не нашли; очевидно, жар был таким, что даже кости сгорели дотла. Во всяком случае, не нашли ни самого Швенда фон Хумбуга, ни членов его семьи. Но иногда светлыми ночами в полнолуние здесь можно и сейчас увидеть, как дети качаются на качелях, а Швенд с женой неподалеку мирно расположился на пикник. Дружная семья, и никому не догадаться, что они мертвые.

— Миленькая история. — Фальк обвел мрачным взглядом руины. — Идеальная история на ночь, что-то вроде «Спокойной ночи, малыши»...

Ян равнодушно пожал плечами:

— По крайней мере, так говорят. — Он встретился глазами с Зарой. — А что вас вообще привело сюда? — спросил он. — След бестии?

Прежде чем она успела ответить, тишину леса внезапно прорезали звуки сигнальной трубы. Звуки доносились издали, откуда-то с юга, со стороны Мурбрука, из чащи леса.

Ян в ужасе вытаращил глаза.

— Сигнал тревоги! — прошептал он.

— Бестия! — со страхом вымолвила Эла. — Бестия снова напала!

— Черт побери! — Фальк повернулся к Заре. — А мы вот чем занимаемся...

И замер на полуслове, заметив, что Зары уже не было рядом с ним. Едва слышав первые звуки трубы, Зара метнулась прочь, в направлении, откуда они доносились.

Хотя она, как и все, питала надежду, что тревога не имеет отношения к бестии, инстинкт подсказывал ей, что на кладбище Мурбрука скоро выроют новую яму в жестко промерзшей черной земле.

<http://tl.rulate.ru/book/15991/319276>